

АЛЕКСАНДР РИЛЬ

Александр Андреевич Риль приближается к 95-летнему юбилею. Депортацию он пережил, по его словам, лишь с божьей помощью.

2

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР

Я с трудом, через лупу, расшифровал ксерокопию предсмертного письма моего дяди - Фридриха Бельгера от 5 сентября 1942 года.

3

ЭЛЬЗА ГУССАР

Эльзе Петровне скоро исполнится 89 лет, 70 из которых она прожила в Казахстане. «Меня окружают только порядочные люди!».

4

Н. ПОЛОНСКИЙ

Николай Полонский рассказывает о своей семье, высланной из Запорожья в Казахстан в январе 1945 года.

6

Bild: Olesja Klimenko

Vor dem Deutschen Haus in Almaty: Gedenkstein den Deutschen gewidmet, die Krieg, Vertreibung und Not zum Opfer fielen.

RUSSLANDDEUTSCHE

70. TRAUERTAG DER DEPORTATION

Der 28. August 1941 ist das schwärzeste Datum in der Jahrhunderte langen russlanddeutschen Geschichte: an diesem Tag, vor 70 Jahren, ordnete die oberste Partei- und Staatsführung der Sowjetunion die umfassende Deportation dieser Minderheit aus dem europäischen Teil der UdSSR nach Sibirien und Kasachstan an. Heute leben in Deutschland an die 2,7 Millionen Bundesbürger russlanddeutscher Herkunft verschiedener Generationen. Diese Millionen von Menschen haben ein berechtigtes Anliegen, dass an dieses Verbrechen würdig und angemessen erinnert wird.

Von Viktor Krieger

Auf Deutschlands Angriff im Juni 1941 rief Stalin, ähnlich wie der russische Zar 1914, den „Großen Vaterländischen Krieg“ aus. Immerhin glaubte die sowjetische Führung eine Zeitlang, die feindliche Seite mit klassenkämpferischen Aufrufen ideologisch beeinflussen zu können. Allerdings verliefen die ersten Kriegswochen und -monate für die sowjetische Seite sehr ungünstig: Hunderttausende Rotarmisten sind gefallen, gerieten in Gefangenschaft oder liefen zu den Deutschen über; die Frontlinie rückte Hunderte von Kilometern ins Innere des Landes vor.

In dieser Situation versuchte die sowjetische Militärführung, ähnlich wie die Vorgänger im Ersten Weltkrieg, ihr anfängliches Versagen unter anderem durch den Hinweis auf „verräterische“ Aktivitäten der deutschen Bevölkerung in den frontnahen Gebieten zu rechtfertigen. Man verleumdete sie als illoyale Bürger

und forderte ihre Ausweisung. Bereits ab dem 15. August 1941 begann eine höchst unorganisierte Räumung der Halbinsel Krim von etwa 53.000 Deutschen, die vorerst in den Nordkaukasus abgeschoben wurden. Verschleiern wurde diese Deportation noch als „Evakuierung“ bezeichnet.

Nach dem Scheitern anfänglicher Versuche, den anrückenden Gegner mit klassenkämpferischen Parolen der internationalen Solidarität der Arbeiter und Bauern zu beeinflussen, überschritt die offizielle Propaganda rasch die Schwelle zu ungehemmten Hass- und Gräueltiraden. „Deutscher“ und „Faschist“ galten so immer mehr als Synonyme, was für die Russlanddeutschen fatale Folgen haben sollte.

Liquidation der Wolgarepublik

An der Politbüro-Sitzung vom 26. August 1941 ordnete Stalin mit seinen engsten Vertrauten die Auflösung der Autonomie und die Zwangsumsiedlung der Deutschen

aus der Wolgadeutschen Republik und aus den Gebieten Saratow und Stalingrad an. Als Bestimmungsorte wurden die sibirischen Regionen Altaj und Krasnojarsk, die Gebiete Omsk und Nowosibirsk sowie die Unionsrepublik Kasachstan genannt. In dem offiziellen Erlass vom 28. August 1941 wurde gegen die Deutschen die schwerwiegende Anklage des Vorhandenseins von „Tausenden und Zehntausenden Diversanten und Spionen“ erhoben, die „nach einem aus Deutschland gegebenen Signal“ Sprengstoffanschläge verüben sollten. Durch ein weiteres Dekret vom 7. September 1941 erfolgte die Angliederung des Territoriums der Wolgadeutschen Republik an die angrenzenden Gebiete Saratow und Stalingrad.

Die Verbannung anderer deutscher Bevölkerungsgruppen, die keinen Autonomiestatus besaßen, verlief in den darauffolgenden Wochen und Monaten gemäß zusätzlicher geheimer Regierungsbeschlüsse.

Weiter auf Seite 8.

Указ от 28 августа 1941 года

«О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, - следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами, в Республике немцев Поволжья или прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Москва, Кремль. 28 августа 1941 г.

К 70-ЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ

ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСАНДРА РИЛЯ: «ТРУДНО БЫЛО РАБОТАТЬ – ХОЛОД, ГОЛОД, БОЛЕЗНИ...»

Трудармеец Александр Андреевич Риль приближается к 95-летию юбилею. В его жизни бывало всякое: много хорошего, но и плохого пришлось хлебнуть с лихвой. К последнему в особенности относится депортация, которую Александр Андреевич пережил, по его словам, с божьей помощью.

Олеся Клименко

Родился Александр Андреевич 15 мая 1917 года на Волге в г.Энгельсе. Родители были крестьянами, отец очень хорошо разбирался в сельском хозяйстве, знал основы ветеринарии, всегда был востребованным работником. Русский язык Александру давался не очень легко в отличие от мамы, которая знала его лучше родного немецкого, поскольку родилась в русской деревне, окончила русскую школу. В семье росло пятеро детей: три сына и две дочери. Во времена коллективизации отец одним из первых вступил в колхоз, понимая, что указ Сталина будет приведен в исполнение в любом случае и сопротивляться нет смысла. Он также уговаривал друзей и соседей отдать свою скотину и вступить в колхоз, видя в этом единственный выход сохранения семьи от голода и ссылки. Во время голода семья переехала на Украину, но, прожив там около пяти лет, вновь вернулась в родные края на Волгу.

Война

Александру Рилу только исполнилось 24 года, как началась Великая Отечественная война. Он окончил военную школу в городе Горьком и работал в Саранске, обучая молодёжь первым военным навыкам. Кроме него служило в отделе немало немцев, многие из них стали получать тревожные письма из дома о выселении немцев. Изначально мало кто этому верил. Но постепенно практически все немцы получили послания из родных мест о выселении целых деревень. Время шло, все занимались своими делами. Александр Андреевич готовил призывников, учил их обращаться с оружием и другим военным тонкостям. По истечении срока ребят отправляли на войну, а ему давали вновь прибывших.

Вдруг было объявлено, что всех немцев собирают для отправки в город. Все, конечно же, подумали, что их отправят на войну, на линию фронта. Но нет, путь лежал в трудовую армию. На сборы ушло около двух недель, немцев привозили со всех уголков Советского Союза, как военным, им ничего не разрешалось брать с собой. Такая же участь постигла представителей многих народов. Путь до Свердловска был тяжёлым и долгим, продукты очень быстро закончились. На пятнадцатый день состав, наконец, прибыл к месту назначения.

Трудармия

Жизнь в трудармии в Свердловске шла под девизом «Всё для фронта!» И хотя трудармейцы не были заключёнными, их жизнь мало чем отличалась: в морозы валили деревья, разгружали вагоны, очищали брёвна от сучков.

Из воспоминаний Александра Андреевича Риля: «Очень трудно было работать – холод, голод, болезни. Бывало, только ляжешь спать, тревога – пришли вагоны, которые ни в коем случае не должны были простаивать. Поэтому их всегда разгружали по прибытию, даже ночью, в любую погоду. Вот и поднимали всех на разгрузку.

На всех мероприятиях немецкого общества А.Риль в первых рядах.

А. Риль с женой и дочерью.

«Нас в отряде было шесть друзей, мы вместе учились, - вспоминает Александр Андреевич, - были очень дружны, всё делали вместе. Я говорю: давайте здесь не будем ночевать, пойдём, поищем, раз дорога есть, значит, и люди где-то рядом. Прошли километров пятнадцать, вечер, темно, вдруг появилась деревня. Мы стучались практически в каждый дом, просились переночевать, но нас не

картошки, которое мы, будучи очень голодными, с удовольствием съели. Проснулся я рано, в четыре утра, надо было вернуться до утренней проверки. Попрошались и вернулись к нашим, которые только начали просыпаться. Хорошо, что никто не заметил нашего отсутствия».

В тот же день привезли строительные материалы и всё необходимое. Завод рос с каждым днём. Кормили неважно, мы называли это баландой. Если гороховый суп, то найдешь в нём лишь пять горошин, хлеба давали мало, постоянно сокращая паек. Выполнившие план получали больше, но народ постепенно лабал: кто попадал в больницу, кто на тот свет. Я всегда был парнем «битым», отдавал последнее за хлеб. Один из моих друзей работал на складе, давал мне то кальсоны, то полотенце, я бегом на базар и менял всё на продукты. Это и спасло», - говорит Александр Андреевич.

Победа

Даже радостная весть об окончании войны не принесла долгожданного освобождения российским немцам. «Мы как раз разгружали вагоны с кирпичом и услышали новость об окончании войны, - вспоминает Александр Андреевич, - мы были очень рады, в воздух полетели наши шапки: «Ура, домой!».

Но немцев так и не отпустили, победа над фашистами лишь немного улучшила

жизнь в комендатуре. Даже один день просрочки мог стоить немцам свободы.

Пять лет Александр Андреевич был извозчиком, хотя до этого с лошадками никогда не работал. Заключённые строили дома, а он подвозил строительные материалы. Потом пошёл на лесоповал, рубил деревья, по шесть кубов в день, потом грузчиком.

Новая жизнь

Лишь в 1955 году Александр Андреевич переселился с семьёй в Казахстан, где живёт и сегодня. Супруга десять лет как умерла. Александр Андреевич живёт вместе с дочерью, на судьбу не жалуется. Очень благодарен казахской земле, которая приютила российских немцев, дала кров и еду: «Нас немцев, казахи очень выручили, - продолжил Александр Андреевич, - нас принимали, делились всем необходимым. Я преподаватель музыки, всю жизнь руководил русским народным оркестром во Дворце культуры железнодорожников, что на улице Сейфулина. Устроился на работу в 1960 году. Дали мне большую комнату, казахским оркестром руководил молодой парень - казах. В то время он совмещал работу с учёбой, учился в музыкальном училище. Мы с ним были очень дружны, много шутили. Он частенько учил меня казахскому языку. Да разве всё расскажешь, как это было. Да и память иногда подводит», - вздыхая, заключает Александр Андреевич.

СЛОВАРЬ

- сельское хозяйство - Landwirtschaft, f
- сопротивляться - Widerstand leisten, sich sträuben
- голод - Hunger, m
- деревня - Dorf, n
- продукты - Nahrungsmittel, n; pl, Lebensmittel, n; pl
- заключённый - Anstaltsinsasse, m
- разгрузка - Entlastung, f; Ausladung, f
- удивление - Staunen, n; Erstaunen, n; Überraschung, f
- полотенце - Handtuch, n
- свобода - Freiheit, f

Kurz gesagt: Alexander Ril im Gespräch über sein Leben in der Trudarmee.

А. Риль многие годы руководил русским народным оркестром.

пускали. Конечно, люди боялись, мы в военной форме, плохо говорили по-русски. Стучим в последний дом, открывает дверь молодой парень, спросил, кто мы, откуда. Я как мог, на ломаном русском, который учил в школе как иностранный, рассказал ему всю правду. К нашему большому удивлению, он нас запустил. Его супруга принесла из подвала и сварила ведро

условия жизни несчастных трудармейцев: им стали выдавать продукты, теперь они могли сами готовить пищу, построили дома на несколько семей, стали образовывать семьи. В возрасте 28 лет создал семью и Александр Андреевич, его супруга также прошла все тяготы и невзгоды трудармии. Родилась дочь, каждый день молодые ходили отме-

К 70-ЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ

ФРИЦ-ОНКЕЛЬ

Я с трудом, через лупу, расшифровал ксерокопию предсмертного письма моего дяди, родного брата моего отца – Фридриха Бельгера. Оно датировано 5 сентября 1942 года. Написано по-немецки: «Guten Tag, liebe Frau und teuere Kinder!» Изрядно истрепанный, ветхий треугольничек военного времени. Письмо адресовано Бельгер Каролине Андреевне: Алтайский край, село Панкрушиха, улица Новосибирская, дом № 33. Адрес отправителя: Свердловская область, Ивдельский район, поселок Вижай, п/я 232/16.

Герольд Бельгер

Вместе с ксерокопией письма в конверт была вложена фотография Фрица-онкеля довоенного времени: продолговатое худощавое лицо с характерными «бельгеровскими» чертами, спокойный, умный взгляд, пышные белесые усы, старомодный пиджак, вольная, молодая осанка, в руках главный инструмент колхозного бухгалтера – деревянные счеты.

Таким я его и запомнил.

Меня, жители города Энгельса, где мой отец служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), время от времени отсылали в родительское село Мангейм, где я жилвал то у бабушки Эли-

забет, то у дядьев Хайнриха и Виллема. Подростки двоюродные братья охотно возились со мной и обучали меня разным деревенским потешкам. У моих дедушек – Фридриха и Давида, умерших до моего рождения, – было в общей сложности 14 детей, так что можете представить, сколько имелось у меня двоюродных братьев и сестер.

Славное было время. Так оно и поныне мерещится.

Иногда я бывал и в шумном и веселом доме дядюшки Фрица. Он сам был человек легкий, общительный, веселый. Дети льнули к нему. В семье его все пели и играли на струнных инструментах. Старший, Вольдемар, окончил 10 классов, был грамотей, играл на скрипке,

гитаре, мандолине, цимбале, рисовал, занимался спортом, был общественником, комсомольцем, настроен на волну нового времени. Подстать ему подрастали и его сестренки, певуны и плясуньи, отличницы учебы – Вера, Вильгельмина, Виктория, Валя.

его перевели в разряд «доходяг», что потому он работает всего четыре часа, что собирает в лесу грибы и ягоды, что редко получает письма от родных, а единственную посылку и вовсе получил в июне, что ему худо, очень худо, что многие из сельчан на лесоповале уже

“Русским” немцам

“Я от жизни смертельно устал,
Ничего от неё не приемлю,
Но люблю мою бедную землю,
От того, что иной не видал”.
О. Мандельштам

Вспоминаю и вспомнить боюсь
Молодое шумливое лето,
Где в глаза мне – зелёная грусть,
А на сердце плохая примета.
Только небо услышит мольбу,
Счастью в жизни недолгие встречи,
Снова ветер людскую судьбу
Доверяет скитаниям вечным.
Не задам я вопрос: почему
Это каждый, наверно, знает
И, собрав на дорогу суму,
С казахстанской земли уезжает.
И на кладбище спешно зайдя –
Нет минутки, торопят машины –
Горсть с землёю в ладонях зажав,
Плачут даже седые мужчины.
Остаются могилы одни.
Только стаи неслышно поднимет,
Долго будут кружиться они
Словно кровные дети над ними.
Промелькнут напосредок поля,
В душу ветры степные нахлынут,
Промолчит без упрёка земля
В час, когда её дети покинут.
Я об этом судить не берусь.
Это дело, наверно, Бога,
Затаив неизбывную грусть,
Я стою у родного порога.
Будет всё так, как нынче сбилось,
В век степного сожжённого лета.
Только выболит сердце насквозь,
Не найдя на вопросы ответа.

Надежда Рунде

An die Russlanddeutschen

*Ich hab mich vom Leben gewandt,
Was habe ich hier noch zu holen.
Doch mag ich die elende Scholle,
Ich hab ja nichts Andres gekannt.*
Osip Mandelstam

Ich erinnere mich: Er ist hin,
Dieser laute verworrene Sommer.
Vor den Augen – die Schwermut in Grün.
Und mein Herz, ach, das war so beklommen.
Nur der Himmel erhört es bestimmt.
Kurze Augenblicke nur miteinander.
Wieder hat schon ein eiskalter Wind
Sie verweht, diese ewigen Wandrer.
Und ich will gar nicht fragen: Warum
(Denn das kann doch wohl jeder schon fassen)
Diese Leute, verschwiegen und stumm,
Die kasachische Steppe verlassen.
Schnell zum Friedhof! Man hat keine Zeit
Bei dem eifrigen Laufen und Rennen.
Und da sind wohl zum Weinen bereit
Auch gefühlsarme Frauen und Männer.
Und die Gräber, die bleiben allein.
Und die Raben darüber nur kreisen.
Und so trauervoll schauen sie drein
Wie die Kinder, die plötzlich verwaist sind.
Weite Felder dann huschen vorbei.
Trockne Winde die Seele erfassen.
Auch das Land ist von Vorwürfen frei,
Wenn die Kinder die Steppe verlassen.
Und ich kann nicht darüber hinweg.
So was kann nur der Himmel, der helle.
Meinen Kummer im Herzen versteckt,
Stehe ich an der heimischen Schwelle.
Und so ist es, so ist's allerwärts –
Diese Sommerzeit hat keine Sünde.
Nur verblutet mir völlig mein Herz,
Weil ich nie eine Antwort drauf finde.

Ins Deutsche übersetzt von Viktor Heinz

Жили в достатке, в надежде.

А дальше? А дальше... все рухнуло в одночасье. Война, депортация, ссылка, трудармия, комендатура, голод, лишения, трагедия и скорбь.

... В декабре 1941 года от голода и непосильного труда умер на лесоповале Вольдемар Бельгер в возрасте 20 лет.

... Ровно год спустя, там же и по той же причине скончался его отец, Фридрих Бельгер, в возрасте 45 лет.

... Потом умрет трудармейка Вера Бельгер.

... Позже, уже в Германии, умрет трудармейка Вильгельмина Бельгер.

Еле выживут подранки-сиротинушки, сполна изведав голод, холод, унижения и лишения, Виктория и Валя.

Последняя ныне проживает в Германии. Тетя Каролина, которой трудармеец Фридрих Бельгер, писал свое отчаянное, предсмертное письмо, прозябала в алтайском селе, больная и бесправная, перебиваясь с хлеба на воду, умрет в сорок два года в больнице, и ее закопают в общей могиле, без гроба, просто засыпая землей.

Сколько российских немецких семей изведали подобную участь? Тысячи и тысячи! О чем же пишет в своем последнем письме мой онкель Фриц?

Он сообщает (перевожу с немецкого), что «пока еще живой», что

умерли...

Слово «посылка» он употребил в письме раз десять. Он просил у жены, у дочерей прислать посылку, все, что могут, а именно соль, лук, чеснок, перец, крупу, крепкий табак. Иначе он не выживет. Он просит, умоляет и близких, знакомых, односельчан по Волге, называет их поименно, ну, сообразите хоть какую-нибудь посылочку и пишите почаше. Он не догадывается, в каких условиях прозябают в сибирском селе его милая фрау и бедные дочери.

Отец в трудармии умоляет прислать посылку хоть с какими харчами, а дочки-малолетки христорадничают по дворам.

Идет война, и конца-краю её не видно.

Много о том написано.

И я написал немало. Я конкретно знаю о том, чем обернулся державный Указ от 28 августа 1941 года, что означала депортация и каковы ее последствия.

Я в который раз перечитываю сейчас последнее письмо моего Фрица-онкеля, вспоминаю судьбу его семьи, судьбы других моих дядьев и двоюродных братьев и физически чувствую всю тяжесть трагедии и скорби моего народа. А мне то и дело задают совершенно дурацкие вопросы и бередают мою истерзанную душу.

С поблекшей фотографии более чем семидесятилетней давности спокойно и взвзвусую смотрит на меня мой дядя Фриц. И я не знаю, что ему сказать.

СЛОВАРЬ

■ взгляд – Blick, m

■ скрипка – Geige, f; Violine, f

■ гриб – Pilz, m

■ чеснок – Knoblauch, m

■ перечитывать – von neuem lesen

Kurz gesagt: Gerold Belger über die Trudarmee, in der viele seiner Verwandten gestorben sind.

СУДЬБА

МЕНЯ ОКРУЖАЮТ ТОЛЬКО ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ

Встреча с этой удивительной женщиной началась со слов: «У меня, если признаться, ничего так особо и не болит. Просто старость пришла как-то неожиданно!». Карагандинке Эльзе Петровне Гуссар скоро исполнится 89 лет, 70 из которых она прожила в Казахстане.

Ольга Тида

Мама Эльзы Петровны была немка, а папа-эстонец. Семья жила под Псковом. Родители разошлись и не общались. Эльза Гуссар знает о своем отце только то, что Петр Томсович погиб под Сталинградом. Мама ее была связисткой и работала на телеграфе. Жизнь текла размеренно, мама трудилась, а дочь училась, до тех пор, пока в 38-м году маму не арестовали.

«Вот такое было время. Что-то надо было придумать, вот ее и обвинили в том, что она якобы когда-то кому-то сказала о том, что на базаре колхозные товары дороже. Маму арестовали и отправили в Ленинград. В этом городе тогда была «тройка». Знаете, что это такое? Это когда три представителя судебной власти, сидят и решают дальнейшую судьбу человека. И вот эта «тройка» решила наказать мою маму. Она не поняла за что получила десять лет, которые и отсидела на Урале», - вспоминает со слезами на глазах Эльза Гуссар.

Пока мама находилась в заключении, девушка жила у крестной. Благодаря ей Эльза на одни пятерки закончила школу, и в 1940 году поступила в Московский гидрометеорологический институт. Счастливая студенческая жизнь была в полном разгаре, но началась война. Про учебу пришлось забыть. Осенью 1941 года Эльзу выслали в Казахстан.

Одна-одинешенька

«Сначала я попала в Осакаровский район в 9-й поселок. Там жили бывшие «кулаки», потом привезли нас, немцев, затем чеченцев. Я была очень маленькая, худенькая, мне никто не давал 18 лет, все думали, что мне 14-15. Люди жалели меня, ведь все ехали большими дружными семьями, а я была одна-одинешенька. При этом я еще была городская, никогда не работала физически. В 1941-1942 году был сильный голод, многие умерли. Я очень хотела жить, поэтому пришла к коменданту, хорошему порядочному человеку и сказала ему: «Что мне делать? Я просто умру с голоду». У коменданта была дочь моя ровесница, это, наверное, сыграло свою роль и спасло меня от голодной смерти. Он направил меня работать в столовую детского дома. Я считалась слабосильной, мешки с картофелем и мукой не могла таскать на себе. Поэтому меня перевели на более легкие работы, я перебирала и чистила овощи, так и выжила. Потом началась трудовая армия и более тяжелая работа. Я получала такие копейки, на которые можно было купить разве что килограмм муки», - рассказывает Эльза Петровна.

Эльза Петровна Гуссар.

В 1945 году мастерская, в которой работала девушка, закрылась. Катать валенки для советских солдат уже не было необходимости, поэтому Эльзу перевели в Осакаровку и назначили заведующей трикотажного цеха. Пенсионерка вспоминает, как раз в месяц всем немцам было необходимо приходиться в комендатуру и отмечаться.

«Это было унижительно, но изменить это было не в наших силах. Но я могла изменить свою судьбу. И я изменила, переехала из села в Караганду и попала в Карагандинский горный техникум. Так как у меня был второй курс московского института, меня сразу же взяли на второй курс техникума, который я и закончила с отличием», - делится Эльза Гуссар.

Пятно спецпереселенки

В 1948 году после освобождения мама приехала к Эльзе в Караганду и работала портнихой в мастерской, долгие годы до самой смерти в 80-летнем возрасте жила с дочерью. А сама Эльза Петровна всю жизнь проработала в филиале Маркшейдерского института сначала техником, затем научным сотрудником. Личная

у нее нет родственников, с которыми бы она общалась. Эльзе Петровне сейчас помогают дети и внуки подруги, которая в далекие сороковые приютила у себя в доме интеллигентную девушку. Помощники регулярно приезжают к пенсионерке из Осакаровки, за долгие годы они стали друг для друга родными. Два раза в неделю приходит и социальный работник, который делает уборку, приносит необходимые продукты. Не забывают Эльзу Петровну и в Немецком обществе. Раньше она сама ходила на мероприятия, отмечала праздники, общалась. Сейчас уже более пяти лет Эльза Петровна не выходит из квартиры. Соседка носит ей горячие обеды, которые для Эльзы Петровны готовят в областном обществе Немецкий центр «Wiedergeburt». А на праздники женщине приносит подарки и продуктовые пакеты, часто общаются по телефону, который является для пенсионерки единственным «окошком в свет», ведь она не читает книг, газет и не смотрит телевизор, так как глаза очень плохо видят.

«Я благодарю Бога за то, что на моем жизненном пути попадались только хорошие, порядочные люди. Не могу припомнить, чтобы кто-то мне сделал какую-то гадость. Да, было страшное время, было очень тяжело морально, но все переживается. Несмотря ни на что я считаю себя счастливым человеком!», - делится Эльза Петровна Гуссар.

Родители Эльзы Петровны.

жизни женщины не сложилась, она не вышла замуж и не родила детей.

«Те, с кем я была на одном уровне по общности интересов и по взглядам на жизнь, на меня не смотрели, потому что я была спецпереселенка. Я всегда жила с этим «пятном», которое наложило сильный отпечаток на мою жизнь. Мне даже один парень однажды так и сказал: «Вот если бы ты не была немкой». Но я всегда была немкой и горжусь этим. Мама просила еще в начале 50-х годов поменять национальность на эстонку, она думала, что это как-то сможет изменить мою судьбу, но я отказалась. К сожалению, я не знаю своего родного языка. Мама прекрасно говорила на немецком, но ей просто не с кем было общаться. Люди боялись не то что говорить, а даже думать на родном языке», - делится Эльза Гуссар.

Помощники

Один раз они были в Германии. Но уехать жить туда Эльза Петровна так и не решилась, вмешалась мама, которая сказала: «Нам там нечего делать. Мы с тобой жить в Германии не сможем».

СЛОВАРЬ

■ *судебная власть* - rechtssprechende

Gewalt

■ *солдат* - Soldat, m

■ *судьба* - Schicksal, n; Los, n

■ *личная жизнь* - Privatleben, n

■ *внук* - Enkel, m

■ *уборка* - Aufräumen, n; Reinemachen, n

■ *раньше* - vor, vorher

■ *пакет* - Paket, n; Tüte, f

■ *жизненный путь* - Lebenslauf, m;

Lebensweg, m

■ *несмотря ни на что* - trotz alledem

Kurz gesagt: Elsa Gussar wurde im Herbst 1941 nach Kasachstan deportiert, aber in ihrer Umgebung lebten nur gute Menschen.

Май 1941 г.

СУДЬБЫ

ЗДЕСЬ МОЯ ЖИЗНЬ

Георгий Кребс родился в городе Энгельсе, в дружной семье воспитывалось трое детей. Казалось бы, ничто не могло нарушить радостного детства, но судьба приготовила маленькому Георгию много испытаний. Сначала в 1940 году умерла мама Лидия Фогель, а затем, в конце 41-го, его на шесть лет разлучили и со второй мамой Кларой Фриккель.

Ольга Тида

В 1941 году семью Кребс выслали в Алтайский край. Родителей и детей разлучили. Взрослых направили в трудовую армию.

Отец Георгий Александрович попал на шахту в Тульскую область, а мама в Горьковскую. Четырехлетнему Георгию разрешили остаться в Сибири с бабушкой и тетей.

Это были тяжелые годы суровых испытаний, из троих детей в живых остался один Георгий.

«Только через пять лет мама смогла приехать к папе, а еще через год, в 1947-м, забрала туда и меня.

До десяти лет я не учился в школе, но мной занимались немного дома на двух языках - на немецком и на русском. Я не учился, зато работал: мы, дети, осенью выколачивали лен.

Как мы попали в Караганду? Все сюда попадали по-разному. Кого-то выслали, кто-то здесь сидел, а вот наша семья добровольно переехала.

У моего отца здесь жил и работал сослуживец по трудовому. Он написал, что в Караганде хорошо, много работы и жильем обеспечивают. Так мы сюда и попали в 1954 году, думали, приехали не надолго, но так и остались здесь.

Отец мой был творческим человеком, и ему повезло, поскольку его талант был здесь востребован - он работал художником во Дворце культуры на Федоровке. Так на одном месте до самой пенсии в 1971 году и проработал. Он прожил долгую жизнь и умер в 92 года.

Моя мама была воспитательницей в детском доме», - делится воспоминаниями Георгий Кребс.

Георгий в 1956 году после снятия со спецучета начал свою трудовую деятельность. В армию призвали два раза, да так и не взяли. В его трудовой книжке всего две записи: сначала Георгий Георгиевич трудился на кирпичном заводе разнорабочим, а потом пришел в пожарную охрану, да так и остался там на 25 лет, пройдя долгий путь от рядового до капитана. В 1987 году вышел на пенсию, но сидеть без дела не захотел и еще 11 лет отдал пожарной охране в Карагандинском аэропорту.

Сохранение традиций

В семье Кребс всегда сохраняли традиции и обычаи немецкого народа, разговаривали на родном языке. Отец Георгия Георгиевича отлично знал язык, в свое время он даже закончил семилетнюю школу на немецком языке. Семья могла

Георгий Георгиевич Кребс.

выехать в Германию, однако покинуть город, который стал для всех родным, не захотела.

«Почему я не уехал? Здесь моя семья: жена, сын, внучка, мои друзья и близкие, сослуживцы. Не захотел и климат менять, за здоровье переживаю, - ведь как не крути, уже 74 года на свете живу. Немецкое общество «Wiedergeburt» для меня - это моя жизнь, я хожу сюда с 1993 года. Мне здесь очень нравится, много лет я изучал язык, общался, узнавал новое», - рассказал Георгий Кребс.

На всех мероприятиях он в первых рядах - и стих рассказывает, и песню спеть, и станцевать национальный танец.

Георгий Георгиевич, являясь носителем исторической памяти своего народа, с радостью делится своими воспоминаниями с молодежью.

СЛОВАРЬ

■ различить - trennen, scheiden

■ пенсия - Rente, f; Ruhegehalt, n

■ пожарная охрана — Feuerwehr, f

■ переживать - zu Herzen nehmen

■ с радостью — mit Freuden

Kurz gesagt: Georgij Krebs erzählt über sein Leben in Karaganda.

DIE DEUTSCHE

Esslöffel, Becher und eine Decke...

Sie legte die Postkarte in eine Ecke.

„Ich geh nicht zum Bahnhof. Ich will hier nicht weg

Mit Decke und Becher und Essbesteck.

Das ist ein Vorzeichen bitterer Not Einer wirren Zeit, die mich bedroht.

Doch werd ich denen ein Schnippen schlagen.

„Ich geh dort nicht hin,“ sprach in den Tagen

Des Oktobers einundvierzig eine Frau, Aus Schwaben stammend,

Oder sonst einem deutschen Gau.

Die Deutsche wurde sie hier genannt, Und für die Deutschen im ganzen Land

Galt damals ein Zwangsumsiedlungsprogramm.

Das machte der Krieg, dass das so kam.

Zuerst legte sie in die Postkarten-Ecke Den Löffel dazu, den Becher, die Decke,

Dann hat sie in tränendurchwachter Nacht

Die Sache noch einmal gründlich durchdacht:

„Ich gehe nicht! (deutscher Eigensinn)

Es sei denn, man schleift mit dem Trekker mich hin!

Doch sonst nie und nimmer und nirgendwohin!“

Inzwischen saugte, voll Dampf und voll Rauch,

Der Kasachische Bahnhof die Verlorenen auf.

Sie mussten alle aus Moskau fort Und auch aus dem Umland, zum Zugtransport,

Weil jemand ja den Befehl erteilte, Weil jemand ja drängte, dass man sich beeile.

Und bei jedem Deutschen, wie eine Standarte,

Sah man das Rechteck der gelben Karte.

Die Karten, hier lagen sie nicht in der Ecke,

Es stand darauf: Esslöffel, Becher und Decke.

Doch sie tat die Decke jetzt wieder aufs Bett,

Legte Löffel und Becher zurück ins Büfett,

Entschlossen, es niemandem zu enthüllen,

Das sie hier bleiben wollte, aus eigenem Willen.

Diese Deutsche, sie war ein mutiges Weib.

Was tat sie nun? Sie verschloss sich im Haus.

Es drang kein Geräusch, kein Wort hinaus.

Sie brannte kein Licht. Der Ofen blieb aus.

Nachts nicht zu schnarchen, das fiel schwer.

Doch bald dachten die Leute, sie lebe nicht mehr.

„In dieser Stadt hier wuchs ich auf, In dieser Stadt geh ich auch drauf.

Hier werde ich stumm und taub verschwinden

Und keine Behörde wird mich finden.“

Abgesprungen vom Schicksalszug Sie so den ganzen Winter ertrag.

Sie sammelte Pilze im Sommer dann, Verkaufte auch Trödelkram ab und an

Und vermietete, unter anderem auch mir,

Einen Teil ihrer Wohnung als Schlafquartier.

Um ihre Geschichte zu dokumentieren

Verborg sie, zusammen mit ändern Papieren,

Hinter einem Portrait an der Wand Die quadratische Karte, die man ihr gesandt.

Ich selber las diese Karte dort: Vertreibung? Hetzjagd? - Davon kein Wort!

Drei Wörter reichten zu diesem Zwecke:

Esslöffel, Becher und eine Decke.

Boris Slutskij.

Ins Deutsche übersetzt

von Viktor Heinz

HEМКА

Ложка, кружка и одеяло.

Только это в открытке стояло.

- Не хочу. На вокзал не пойду

- Не пойду. - Так сказала в тот день

в октябре сорок первого года

дочь какого-то шваба иль гота,

в просторечии немка, она

подлежала тогда выселенью.

Всё немецкое население

Выселялось. Что делать, война.

Поначалу всё же собрав

одеяло, ложку и кружку,

оросив слезами подушку,

все возможности перебрал:

- Не пойду! (С немецким упрямством)

Пусть меня волокут тягачом!

Никуда! Никогда! Нипочём!

Между тем, надёжно упрятан

в клубы дыма, Казанский вокзал,

как насос, высасывал лишних

из Москвы и окраин ближних,

потому что кто-то сказал,

потому что кто-то велел.

Это всё исполнялось прытко.

И у каждого немца белел

желтоватый квадратик открытки.

А в открытке три слова стояло:

ложка, кружка и одеяло.

Но, застав кровать,

ложку с кружкой упрятав в буфете,

порешила не открывать

никому ни за что на свете

немка, смелая баба была.

Что ж вы думаете? Не открывала,

не ходила, не говорила,

не шумела, свету не жгла,

не шамрала, печь не топала.

Люди думали - умерла.

- В этом городе я родилась,

в этом городе я и подохну:

стихну, онемею, оглохну,

не найдёт меня местная власть.

Как с подножки, прыгнув с судьбы

зиму всю перезимовала,

летом собирала грибы,

баракло на толчке продавала

и углы в квартире сдавала,

между прочим, и мне.

Дабы в этой были не усомнились,

за портретом мужским хранились

документы. Меж них желтел

той открытки прямоугольник.

Я его в руках повертел:

об угонах и о погонях

ничего. Три слова стояло:

ложка, кружка и одеяло.

Борис Слуцкий (1919-1986)

К 70-ЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ

СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

Николай Полонский со слезами на глазах рассказывает о своей долгой и тяжелой жизни. В детстве он был угнан с семьей из Запорожья в лагерь на территории Польши, (потом в течение 36 лет доказывал, что он «ребенок войны»). После освобождения маму Николая власти заставляли отказаться от мужа-немца, но она не предала любимого. За такой смелый поступок семья Герберсгаген была выслана в Казахстан в январе 1945 года.

Ольга Тида

«Мало того, что я рано потерял отца и был лишен его заботы и любви, так я потом всю жизнь был вынужден объяснять, почему у меня не папина немецкая фамилия. А ведь ни я, ни мой брат с сестрой никогда не отказывались от фамилии Герберсгаген. У меня есть свидетельство об окончании седьмого класса на немецкую фамилию. В марте 1945 года, когда наша семья прибыла в Казахстан, все и произошло. Пьяный комендант, который ставил нас на учет, никак не мог написать длинную папину фамилию, он стал кричать на маму, чтобы она назвала свою девичью фамилию. Так всю семью, кроме бабушки, и записали Полонскими.

А вообще в то время в Казахстане нас всячески старались запугать, а ведь мы сами, советские немцы, были пострадавшими. Но нас первые годы выставляли как предателей, запускали вслед камнями. Потом, когда переселили в село и людей других национальностей - корейцев, чеченцев, татар - то увидели, что все невинно страдают», - начал свой невеселый рассказ о жизни Николай Францевич.

Родители

Его отец родился в Запорожской области в 1917 году в семье австрийского подданного Франца Герберсгагена и немки Ольги, а мама Екатерина Михайловна в многодетной украинской семье Полонских в 1910 году. Родители со временем решили «избавиться от одного лишнего рта» и отправили дочь к дяде, который работал директором совхоза Старинасово в Запорожской области. Екатерина Михайловна жила в общагитии, работала на маслозаводе бригадиром.

«Мама много рассказывала, она вообще охотно делилась с нами, своими детьми, воспоминаниями и считала, что мы все должны знать о своих предках. Она говорила, что в совхозе все жили богато, еды было достаточно, люди работали от души, хорошо зарабатывали.

Семейное фото.

Отец был активистом, комсомольцем, играл на любых духовых инструментах. Был очень красивым и молодым, он сразу же влюбился в маму, но она переживала из-за того, что у них была большая разница в возрасте. Мама была на семь лет старше отца, но со временем присмотрелась, и в 1936 году они поженились», - рассказывает Полонский.

В 1937 году в семье Герберсгаген родился первенец - Николай, через два года еще один сын, а за десять дней до

Семья Герберсгаген.

начала войны 11 июня 1945 года - дочь Клавдия. Потом началась массовая эвакуация. Но совхоз Старинасово не успели эвакуировать, людей захватили на станции и всех отправили обратно по своим домам.

Под немецкой оккупацией

«Немцы тоже пришли в наш совхоз, активистов, комсомольцев и коммунистов расстреляли и установили свою власть. Так под немецкой оккупацией мы и жили два года. Родители работали весь световой день, но голода, расстрелов и издевательств не было. Всем представителям немецкой национальности и членам их семей сначала добровольно

детей, это было увлекательное путешествие, а вот для взрослых начиналась дорога в рабство.

Я хочу уточнить: никто не ехал сам, нас насильно отправляли. Но потом представители нашей власти приписывали нам то, что мы якобы сами уехали, говорили: «Вы сами добровольно ушли с немецкими войсками». А куда нам было деваться, нас бы просто всех перестреляли.

В Польше нас определили в фашистский лагерь, помещики каждый день с утра забирали родителей на работу к себе в поместье, а поздно вечером привозили. Отец работал слесарем, налаживал сельскохозяйственное орудие, а мама - в огороде полола грядки, поливала и собирала урожай.

Помещики были зажиточные немцы, их сын воевал. Мама вспоминала, что каждый день, когда они шли на обед в шеренге, дыша в затылок друг другу, помещица садилась на стул перед столовой и ждала, когда её, «благодетельницу», отблагодарят и поцелуют ей руку. Если вдруг кто-то не хотел этого делать, того до полусмерти избивали на конюшне. Все находились на положении рабов, но смертей не было», - вспоминает со слезами на глазах Николай Полонский.

Пока взрослые работали, дети были с бабушкой Ольгой Герберсгаген в лагере. Франц Францевич находился со своей семьей с 1936 до конца 1944 года, но за две недели до освобождения лагерников Красной Армией всех мужчин построили колоннами и под конвоем куда-то увели. А вот куда, близкие не знают до сих пор. Много лет спустя, когда уже можно было беспрепятственно заняться поисками, и мать, и жена, и дети пытались найти его следы, но все безрезультатно. Поляки, правда, однажды сказали, что мужчин на войну не послали, а определили куда-то на подземные работы.

Депортация

«После освобождения из Польши в Бресте проходили фильтрацию. Маме приказали отказаться от мужа-немца. «Не хочешь? Поедешь в Казахстан». Мама ответила: «Ведь и там люди живут, выживем, но мужа не предаю».

«И собаки там тоже живут», - сказала ей в ответ. Моя бабушка-немка Ольга Герберсгаген также не отказалась от

сына, ее с нами выслали. Так вместо того, чтобы после стольких лет издевательств вернуться в родной дом в Запорожье, нас депортировали», - делится Николай Полонский.

Отец Франц.

В середине марта 1945 года на одном из многочисленных эшелонов с такими же советскими немцами семью Герберсгаген доставили в Казахстан. После трудной дороги, когда семья чуть не лишилась переболевшей тифом бабушки, всех поселили в совхозе Свердловца в сараях, где доили коров. В небольшом помещении, по соседству с животным, где с трудом поместились бы 50 человек, каким-то чудом размещалось 150.

Была жуткая антисанитария, начались болезни, каждый день кто-то умирал, несчастного выносили и хоронили, даже таблички на могиле не устанавливали. Так жили до лета, потом для людей освободили еще площадь, коров угнали на летние пастбища, а переселенцам разрешили построить печи, установить перегородки и жить отдельно своими семьями, делится воспоминаниями Николай Францевич.

Продолжение на стр. 7.

К 70-ЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ

СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

Продолжение. Начало на стр. 6.

«Я помню это жуткое, голодное время. Мы недоедали с 1945 по 1951 год. Засыпали, а снилась нам только еда и ничего больше, даже потом, когда стало все доступно, не могли наесться вдоволь. Ждали весны - дикого чеснока, травки. Цинга была сильная, у всех зубы шатались, дотронуться было нельзя, они сразу же выпадали. Все страдали. Потом стало чуть лучше. Полуголодные, полураздетые, но с песнями шли на работу наши родители.

Также я запомнил слова моей мамы: «Хоть папы и нет сейчас с нами, но он не предатель, он не виноват, как и миллионы людей».

Комендатура

Екатерина Полонская 11 лет отмечалась в комендатуре. Сначала она работала на птицеферме в Центральном

Николай в возрасте 10 лет депортировали в Казахстан.

Николай Францевич с супругой.

отделении совхоза, а потом поваром на свиноферме. Со временем она стала хорошо зарабатывать, обеспечивая достойную жизнь троим детям. Екатерина Михайловна больше не вышла замуж, скончалась в 50 лет.

Ольга Герберсгаген жила со снохой и внуками, работала в школе технической. Она много лет искала своего единственного сына, но так до конца своих дней и не нашла.

Самого Николая поставили на учет в комендатуру в 14 лет. Он закончил семилетку, поступил на обувную фабрику, хотел идти учиться дальше, но репрессированных никуда не брали.

«Вообще нас несправедливо оценивали. Если местные получали за материал «4-5», то высланные «3». Потом наступила хрущевская оттепель и нам разрешили поступать туда, куда хочешь. Я поехал в Тамбовскую область и выучился на агронома, потом вернулся в совхоз. Работал в «Зелентресте», восемь лет

агрономом в теплице, а в 80-е годы ушел на пенсию по инвалидности.

Под звуки любимого баяна

Со своей супругой Антониной Федоровой Николай Францевич прожил душа в душу 38 лет и 45 дней. Воспитали племянницу.

«Я не понимаю, когда говорят: «Мы устали друг от друга». Мы с женой нарадоваться не могли. Несколько лет назад - жена скончалась от рака. Я сейчас один, пенсии хватает, выбил себе и льготы, в Немецком обществе «Wiedergeburt» мне оказывают материальную и продуктовую помощь. Не хватает общения. Сажу дома по вечерам, раскладываю старые альбомы и под звуки любимого баяна вспоминаю свою жизнь», - поделился 73-летний пенсионер.

Сейчас, как впрочем, и многие годы ранее, карагдинцев с радостью посещает немецкое общество - ведь именно

там, на праздниках, различных мероприятиях, в кружках он и находит такое недостающее ему общение. С друзьями делятся своими радостями и невзгодами, вспоминают о том, как оно было...

СЛОВАРЬ

■ пострадавший - Geschädigte, m;

Opfer, n

■ расстрел - Erschießen, n; Erschießung, f

■ издевательство - Hohn, m,

Verhöhnung, f; Misshandlung, f

■ братская могила - Massengrab, n

■ невзгода - Missgeschick, n; Unglück, n

Kurz gesagt: Nikolaj Polanski verlor seinen Vater während des II. Weltkrieges.

К 70-ЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ

АМАНАТ

В десять лет мне довелось впервые пообщаться с единственной на весь аул семьей казахов. Основан аул был, естественно, казахами и имя его - Шункуркуль (Глубокое озеро) - живо и поныне. В 1906 г. к единственным проживавшим там казахам прибыли первые российские немцы из Бессарабии. Спустя двадцать лет коллективизация опустошила аул более чем наполовину.

Иван Сартисон, Член Совета ветеранов при Совете немцев РК

От голода, вызванного абсолютным незнанием заезжими руководителями казахского быта, от того, что свели со двора и обобществили в период коллективизации весь скот, вместо новой жизни и благополучия началась страшная разруха, поселки и аулы сожрались, как шагреновая кожа.

В августе 1941 г. туда, к выжившим за счет огородов, пережившим на картошке и лебедо коллективизацию бессарабским немцам прибавились ставшие в одностороннем и поголовно неблагонадежными, включая новорожденных детей, немцы Поволжья.

В 1947 г. созданная для надзора и позитивного закрепления сосланных по новому месту жительства специальная комендатура уравнила разом «местных», украинских, поволжских и крымских немцев.

Первым комендантом стал молодой лейтенант Нуркин. Ему подобрали приличный по тем временам дом, и он тут же привез жену с грудным ребенком. Его семья стала нашим соседом. Трудно себе представить, что сидящее в райцентре и выше начальство коменданта ведало о том, что Нуркин просто вынужден был иметь добрососедские отношения хотя бы с одной семьей из почти ста ему поднадзорных. У казахов, известно, есть поговорка: прежде чем купить дом, покупай соседа.

По долгу службы комендант регулярно уезжал в район и даже в область. Жена с ребенком оставалась с ссыльным народом, пока главный гарант безопасности государства постигал искусство надзора, получал приказы и наставления по «боевой службе».

Мой брат регулярно бывал в районе со своими бухгалтерскими отчетами, и Нуркина в аул привез и представил его председателю сельсовета, Ойгену Лоренцу, тоже он. В пути люди легко сблизятся, останавливаясь на отдых, давая передышку лошадям.

Коменданту как воздух требовались доверенные лица из контрорских служащих. Нуркин принимал на дому, а раз в месяц ожидал на отметку всех «неблагонадежных» в колхозной конторе.

Я, тогда совсем мальчишка, понадобился Нуркину в первый же его выезд в район: жена боялась оставаться одна с малышом и к тому же она не знала немецкого языка, да и в русском была не сильна. Я охотно шел в дом коменданта, возился с ребенком, с благодарностью принимал угощения хозяйки. В семье Нуркиных я заимел второе имя - Аманат, которым меня чаще прозывала хозяйка, жена коменданта. Немецкое моё имя Ганс она также переделала в казахское Гани - так ей было удобнее. Я радовался, когда Нуркин возвращался из поездок и первым делом награждал меня катанием на своем трёхлетнем вороном жеребце из конюшни НКВД. А если доводилось испускать коня, прогарцевать на нем под

седлом, тогда и вовсе праздник был. Сытый и отдохнувший, он нес голову на гордо выгнутой шее, не хуже лебедя. Жеребец не видел во мне чужака, чувствовал мою любовь.

Комендатура прудержалась почти десять лет, и людская память сохранила о тех временах многое. Как-то в соседнем селе комендант вернулся из поездки хорошо подвыпив, портфель с важными документами оставил дома. Лошадь в упряжке, без кучера и вдобавок в с выпавшим в сани пистолетом сама нашла дорогу в стойло. Трудяги с подпиской о невыезде вернули табельное оружие хозяину и держали это чисто уставное ЧП в секрете вплоть до отмены надзора в 1956 г.

Учебу в пятом классе я продолжил в райцентре, там же начал учить казахский язык, очень подружившись с учительницей этого предмета. Мне легко давались тексты и стишки. Нуржани-апа меня ставила в пример. Она же мне первая растолковала значение слова «аманат». Оказывается, в старину хан в знак благожелательного отношения к более слабому соседу, заверяя его в дружбе и ожидая верного служения, передавал ему в знак гарантии и безопасности своего сына. То есть аманат - это залог, заложник. А второе значение - это завещание живым, распоряжение собственностью.

Когда я перешел в 7-ой класс районной школы, то имел еще одно запомнившееся мне общение еще с одним комендантом. Фамилия его была Коваленко.

Крепыш из себя и добряк одновременно. Он мне выписал пропуск для проезда в техникум на вступительные экзамены. Это был праздник в нашей семье. Коваленко вручал мне пропуск как путевку в жизнь. И последний комендант, в ведении которого находился техникум, в присутствии сверстников усадил меня за свой стол и произвел за понравившийся ему почерк в ранг личного писаря. Заполнял я на всех - и на себя тоже - карточки комендантского спецучета.

Спустя почти три десятка лет эту красную карточку размером с карманный календарик мне подарили в прокуратуре, когда выписывали справку о реабилитации.

СЛОВАРЬ

■ чужак - Ortsfremde, m, f

■ кучер - Kutscher, m

■ завещание - Vermächtnis, n;

Testament, n

■ вступительные экзамены -

Aufnahmeprüfung, f

■ почерк - Handschrift, f; Schrift, f

Kurz gesagt: Die Deutschen Kasachstans sind dem kasachischen Volk, das ihnen während der Deportation geholfen hat, sehr dankbar.

RUSSLANDDEUTSCHE

70. TRAUERTAG DER DEPORTATION

Fortsetzung von Seite 1.

Davon betroffen waren beispielsweise der noch nicht besetzte Teil der Ukraine, der Trans- bzw. Nordkaukasus oder solche Großstädte wie Moskau, Saratow, Kujbyschew, Stalingrad oder Gorki. Bis Ende 1941 wurden 794.059 Personen aus dem europäischen Teil der Sowjetunion nach Kasachstan und Sibirien „umgesiedelt“; darunter befanden sich 438.715 Wolgadeutsche.

Deutsche als Personen minderen Rechts

Ob der in seinem dörflichen Milieu tief verwurzelte Kolchosbauer oder der rücksichtslose stalinistische Funktionär, ob weitgehend russifizierter Stadtintellektueller oder alter Bolschewik, ob Mitglied der Gottlosenbewegung oder tiefgläubiger Katholik, ob kommunistischer Vorzeigearbeiter oder bereits enteigneter Großbauer, ob Hochschulprofessor oder Offizier - niemand wurde vor der totalen Entrechtung verschont; ausschlaggebend war allein die ethnische Zugehörigkeit. Die Maßnahmen nach der Deportation sollten vor allem sämtliche politische, gesellschaftliche und kulturelle Spuren deutschen Lebens in der Sowjetunion auslöschen:

Reportage über eine antideutsche Kundgebung am 27. Januar 1990 im Rayon Sowetski, Gebiet Saratow (ehemals Kanton Mariental, Wolgadeutsche Republik) im Lokalblatt Sarja („Morgenröte“).

• **Kulturelle Zerstörung.** Aufgelöst wurden alle nationalen kulturellen Institutionen wie das Deutsche Staatstheater in Engels, die Deutsche Staatliche pädagogische Hochschule und mehrere Fachhochschulen, die Philharmonie mit dem Sinfonieorchester und der Deutsche Staatsverlag. Liquidiert wurden auch die Zentrale Staatsbibliothek in Engels und Dutzende von kantonalen (Rayon) bzw. Schulbüchereien; die meisten deutschsprachigen Ausgaben und Titel

Drei Vorschläge und Forderungen angesichts des 70. Trauertags der Deportation

1. Bestimmungen über die Einreise, Einbürgerung oder Eingliederung von Opfern antideutscher Politik aus den Ländern der GUS soll nicht im Zuwanderungsgesetz, sondern in einem gesonderten Rechtsakt geregelt werden, mit Zustimmung der Vertretungsorganisationen.

Die Deutschen in Russland sind in erster Linie Opfer des Stalinismus. Das hat das russländische Parlament im Gesetz vom 26. April 1991 zur Rehabilitierung der repressierten Völker unmissverständlich anerkannt. Die russlanddeutsche Zuwanderung ist somit eine direkte Folge des „lang anhaltenden Echos von ungesühnten stalinistischen Verbrechen“. Der von NS-Deutschland begonnene Krieg lieferte bekanntlich den Vorwand für Beraubung, Deportation und Unterdrückung

Teilnehmer der 2. Delegation, die die Wiederherstellung der Wolgadeutschen Republik forderte. Moskau, Juni 1965

wurden entsorgt, die verbliebenen in Buchläden als Heizmaterial verkauft. Fast alle Bestände des 1925 gegründete Zentralen Museum der ASSR der Wolgadeutschen und in anderen Sammlungen gingen durch unsachgemäße Lagerung oder Raub verloren. Des Weiteren wurde Deutsch als Amts-, Medien- und Unterrichtssprache vollständig verboten.

• **Wirtschaftliche Plünderung.** Der Sowjetstaat konfiszierte zu einem Teil den individuellen Besitz der Bürger, d.h. Privathäuser, Hausrat, Nutzgarten, Haustiere, Vorräte etc. Er eignete sich auch das genossenschaftliche (Kolchosen) bzw. verstaatlichte Eigentum einschließlich der Finanzmittel der Sowchosen, Betriebe und Behörden an.

• **Beschneidung der Bürgerrechte.**

Obwohl nicht kodifiziert, entstand bald aus internen Parteibeschlüssen, Regierungsanordnungen und NKWD-Instruktionen ein dichtes Netz diskriminierender Bestimmungen: Alle Deutschen, auch die in den Städten wohnenden, wurden ausschließlich in ländlichen Ortschaften und kleineren Rayonstädtchen untergebracht und zur körperlichen Arbeit auf dem Land gezwungen. Sie durften diese Orte der Pflichtansiedlung nicht verlassen. Für die nationale Intelligenz

und Fachleute verschiedener Berufe bedeutete eine derartige staatliche Vorgehensweise den Anfang einer verhängnisvollen Entwicklung mit verheerenden Folgen. In letzter Konsequenz liefen all diese Maßnahmen auf die Liquidierung oder Degradierung der politischen und kulturellen Elite der Russlanddeutschen hinaus.

• **Überführung ins Zwangsarbeitslager.** Eine weitere Stufe der bürgerlichen Entrechtung der deutschen Minderheit stellte die beinahe vollständige Einweisung aller Jugendlichen und erwachsenen Personen in Arbeitslager dar. In ihrer Totalität ist sie einmalig in der Militärgeschichte der UdSSR: nicht nur die wehrpflichtigen Männer und älteren Jahrgänge bis 55, sondern auch deutsche Mädchen ab dem 15. Jahr und Frauen bis 45 wurden ab Januar bzw. Oktober 1942 durch die Sammelstellen des Volkskommissariats für Verteidigung einberufen und in entfernteste Orte, weit weg von ihren Familienangehörigen und Kindern gebracht. Ähnlich wie Strafgefangene wurden die Deutschen für schwerste und unqualifizierte Arbeiten beim Bau von Eisenbahnlinien und Industriebetrieben, in der Öl- und Kohleförderung oder beim Holzfällen eingesetzt.

• **Antideutsche Stimmungsmache.** Unzählige Beiträge in Flugblättern und Zeitungen, Büchern und Zeitschriften, Radiosendungen und Filmen, wo in erster Linie gegen Deutsche (und nicht etwa gegen den Feind oder die Faschisten) heftig Stimmung gemacht wurde, vergifteten das Verhältnis der andersnationalen Bevölkerung zu den Russlanddeutschen.

Erläuterungen nach Stalins Tod

Nach Stalins Tod im März 1953 setzte eine zögerliche Liberalisierung ein, die dazu führte, dass 1955-56 die deportierten Völker von der Sonderkommandatur befreit wurden. Allerdings wurden die Bürgerrechte der Opfer des Stalinismus nicht vollständig wieder hergestellt. Die Betroffenen mussten schriftlich auf die Rückkehr in ihre früheren Wohnorte und auf ihr Vermögen verzichten. Dass es auch anders gehen konnte, bewies der Umgang mit anderen ebenfalls deportierten und verleumdeten Nationalitäten, wie den Tschetschenen, Kalmücken, Balkaren, Karatschaen und Inguschen. Im November 1956 entschied die Parteispitze, die territorialen Autonomien dieser Völker wiederherzustellen.

In diesem Fall finanzierte der Staat Rückbildungsprogramme, tätigte Investitionen im Bereich des Wohnungsbaus, den Ausbau der sozialen und Verkehrsinfrastruktur, stellte Mittel zur Wiedererrichtung kultureller und bildungsrelevanter Institutionen zur Verfügung, so dass schon zu Beginn der 1960er Jahre das Gros der betroffenen Ethnien bereits in ihren nationalen Territorien lebte.

Dagegen führte die schroffe Weigerung der sowjetischen Regierung, die russlanddeutsche Minderheit als gleichberech-

tigte Nationalität im Land zu akzeptieren, unter anderem zum ersten massenhaften Auswanderungsaufbegehren der Nachkriegszeit. Der Wunsch, die Sowjetunion zu verlassen, war vor allem bei denjenigen Schwarzmeerdeutschen stark ausgeprägt, die 1941 unter reichsdeutsche bzw. rumänische Besatzung geraten und 1943-44 in den Warthegau oder das Altreich umgesiedelt worden waren. Fast alle hatten zu dieser Zeit die deutsche Staatsbürgerschaft erworben.

Die Bundesrepublik erkannte diese Personen 1955 als Deutsche im Sinne des Grundgesetzes an und schuf damit die Voraussetzungen zu ihrer Einwanderung und Eingliederung. Allein in den Jahren 1956-57 stellten mehr als 80.000 Erwachsene einen Antrag auf die Übersiedlung in die Bundesrepublik, aber bis Ende der sechziger Jahre durften nur ganz wenige das Land verlassen, da die Behörden keine

Bescheinigung: Sondersiedler Alexander Herbert war Repressionen ausgesetzt. Ausreisegenehmigungen erteilten und mit allem Mitteln versuchten, die potenziellen Emigranten einzuschüchtern und sie in den Augen der Sowjetbevölkerung zu diskreditieren.

Massenhafte Autonomiebewegung der sechziger Jahre

Nach 1955 konnten nur ganz wenige der einstigen Bewohner an die Wolga zurückkehren, da sie in der Region polizeilich nicht angemeldet wurden und somit weder eine Arbeitsstelle aufnehmen noch Wohnungen mieten bzw. ein eigenes Haus bauen durften. Viele waren durch die langjährige Verfolgung und Unterdrückung sowie durch unaufhörliche germanophobe Propaganda so stark eingeschüchtert, dass sie sich kaum als Deutsche zu erkennen wagten.

Weiter auf Seite 9.

RUSSLANDDEUTSCHE

70. TRAUERTAG DER DEPORTATION

Fortsetzung von Seite 8.

Immerhin gab es Proteste und Beschwerden von Menschen, die sich mit diesem Unrecht nicht abgefunden haben.

Im Frühjahr 1964 befasste sich angesichts der wachsenden Unzufriedenheit eine vom ZK der KPdSU eingesetzte Kommission mit dieser Angelegenheit. Die Parteispitze entschloss sich demnach zu einem halbherzigen Wiedergutmachungsakt: Am 13. August wurde dem Präsidium des Obersten Sowjets der UdSSR ein Entwurf eines Ukasses zur deutschen Frage vorgelegt. Das oberste Staatsorgan bestätigte zwei Wochen später die eingereichte Vorlage im Wortlaut, so dass dieser interne Parteibeschluss fortan als Erlass vom 29. August 1964 in die Rechtsgeschichte eingegangen ist. Allerdings wurde dadurch die deutsche Minderheit nur von dem Vorwurf einer aktiven Zusammenarbeit mit dem Feind freigesprochen und der gesetzwidriger Ukas aus dem Jahr 1941 nicht aufgehoben, sondern nur abgeändert.

Zwei Abordnungen deutscher Aktivisten verhandelten im Januar und Juli 1965 in Moskau, darunter mit dem damaligen Staatspräsident Anastas Mikojan, über die vollständige Rehabilitation der Volksgruppe, erfuhren aber eine unmissverständliche Absage. Auch Unterschriftenlisten von Tausenden von Rückkehrwilligen hatten keinen Erfolg. Angesichts der damals beinahe hermetisch abriegelten Grenzen der UdSSR konnten sich die Machthaber im Kremel die politisch-rechtliche Minderstellung und sprachlich-kulturelle Perspektivlosigkeit der deutschen Bevölkerung erlauben.

Scheinversuch einer Autonomie in Kasachstan

Die harte und restriktive Haltung der Sowjetführung führte nicht nur zu Resignation, dem Rückzug ins Private oder einer Zufluchtsuche in einer religiösen Gemeinde, sondern leitete zudem einen weitreichenden Gesinnungswandel der deutschen Minderheit von durchaus loyalen Sowjetbür-

Protestkundgebung der Russlanddeutschen in der Sache der Familienzusammenführung vor dem Bundesverwaltungsamt in Köln, Mai 2002.

sche. Offensichtlich verfolgte die Moskauer Zentrale das Ziel, die deutsche Minderheit gegen die kasachische Titularnationalität auszuspielen. Nachdem die Ortsinwohner von dem Ansinnen Bescheid bekommen haben, brachen im Juni 1979 in Zelinograd und anderen Städten Unruhen aus. Während die Staatsmacht sonst auf Unmutsäußerungen jeglicher Art außerordentlich heftig reagierte, blieben diesmal die politischen und personellen Konsequenzen aus. Das zeigt einmal mehr, dass sich Moskau nie ernsthaft um eine wirkliche Gleichstellung der Deutschen bemühte.

Nachhaltige Diskriminierung

Die Deutschen erlebten eine in der Sowjetunion einmalige, negative Bildungsentwicklung: diejenige Nationalität, die

einrichtung oder Kunstsammlung, die das kulturelle Erbe der deutschen Volksgruppe zusammengetragen, aufbewahrt, erforscht und propagiert hatte. Bis Ende der 1980er Jahre durfte in russischer Sprache nur ein einziger wissenschaftlicher Aufsatz über die Wolgadeutschen erscheinen.

Ebenfalls hat man den Dienst von Zehntausenden (Sowjet)Deutschen in den Reihen der Roten Armee vor 1941 und danach in den kämpfenden Truppen, aber vor allem ihre Mobilisierung und der aufopferungsvolle Einsatz im Hinterland im Rahmen der sogenannten „Arbeitsarmee“ in wissenschaftlichen Monographien und persönlichen Erinnerungen der Zeitzeugen, in Massenmedien und musealen Ausstellungen jahrzehntelang bewusst ausgeblendet. Es kursierten weiterhin Gerüchte von faschistischen Fallschirmjägern, aufstän-

dischen Gruppen, Hakenkreuzfähnchen, versteckten Waffenlagern, Saboteuren und Schädlingen, zahlreichen Spionen etc., obwohl schon zur Chruschtschow-Zeit diese erfundenen Anschuldigungen im Laufe sorgfältiger Überprüfung zahlreicher politischer Strafprozesse der 1930er-1940er Jahre keine Bestätigung gefunden haben, und die darin verurteilten Deutschen vollständig rehabilitiert worden sind.

Perestrojka und neue Hoffnungen

Die Liberalisierung nach dem Machtantritt von Michail Gorbatschow schuf gewisse Voraussetzungen für die unvoreingenommene Aufarbeitung der Geschichte der deutschen Minderheit und ihre vollständige Rehabilitation. Getragen von diesen insgesamt positiven politischen und gesellschaftlichen Veränderungen, gründeten die deutschen Aktivisten Ende März des Jahres 1989 die unionsweite Gesellschaft „Wiedergeburt“ für Politik, Kultur und Bildung. Ihr oberstes Ziel bestand laut Statut darin, „nationale Bedürfnisse [...] der über zwei Millionen Sowjetdeutschen zu befriedigen und vor allem die unrechtmäßig aufgelöste Autonome Republik der Sowjetdeutschen an der Wolga ... wiederherzustellen.“ Der zielstrebigen Lobbyarbeit der Vertreter der Gesellschaft „Wiedergeburt“ und einer Reihe in den Obersten Sowjet der UdSSR nach dem neuen Wahlmodus im März frei gewählten, deutschen Abgeordneten war es zu verdanken, dass die Nationalitätenkammer dieses höchsten Staatsorgans am 12. Juni 1989 eine „Kommission für Probleme der Sowjetdeutschen“ einberief.

Weiter auf Seite 10.

Ausweis von Alexander Heckmann (1908-1994), Abgeordneter des Obersten Sowjets der ASSR der Wolgadeutschen und letzter Regierungschef der Republik.

gern zu potenziellen Emigranten ein. Das Ausmaß der Emigrationsbewegung und der damit eingehende außenpolitische Schaden zwang die Moskauer Zentrale offenbar, über eine geeignete Lösung der „deutschen Frage“ nachzudenken. In einer Denkschrift vom August 1978 schlug eine vom KGB-Chef Juri Andropow geleitete Kommission vor, eine territoriale Autonomie zu gründen, um die „ungesunden Emigrations- und nationalistischen Stimmungen zu bekämpfen.“ Bemerkenswert war die Begründung für die geographische Lage des künftigen Gebiets: Beinahe die Hälfte der Deutschen sei auf dem Territorium Kasachstans „fest verwurzelt“, dort befände sich eine große Anzahl der nationalen Nomenklatur-Kader, es gebe in der Unionsrepublik mehr als 230 dörfliche Ortschaften, in denen die Deutschen die Bevölkerungsmehrheit stellten. Daher schlug der Ausschuss vor, eine Deutsche Autonomie aus fünf Rayons der angrenzenden Gebiete Karaganda, Kokschetaw, Pawlodar und Zelinograd mit einer Fläche von 46.000 qkm und Jermantau als Zentrum zu bilden. Dort lebten bereits 202.000 Menschen, davon ca. 30.000 Deut-

im Russischen Reich und am Vorabend des Zweiten Weltkrieges fast vollständig lese- und schreibkundig war und zu den am besten ausgebildeten Völkern der Sowjetunion zählte, verzeichnete 50 Jahre später unter den Dutzenden Nationalitäten der Sowjetunion den geringsten Anteil an Personen mit akademischen Abschlüssen! Das ging in erster Linie auf das Konto der großzügigen Förderung der wirtschaftlich rückständigen und bildungsfernen Ethnien im Rahmen ihrer Unions- und autonomen Republiken auf der einen Seite und der gezielten Unterdrückung und Diskriminierung der russlanddeutschen Volksgruppe auf der anderen Seite.

Besonders auffällig waren die Bildungserfolge der Orientvölker mit einer Unionsrepublik (Kasachen, Usbeken oder Tadschiken). Noch schwerwiegender als Diskriminierungen im sozialen und Bildungsbereich waren die sprachlich-kulturellen und moralischen Folgen der verweigerten öffentlichen Rehabilitation. Im Gegensatz zu den anderen „Titularvölkern“ gab es kein einziges staatliches Museum, keinen einzigen Verlag, keine Forschungs-

2. Die Kriterien für die Aufnahme der deutschen Kriegsfolgenopfer aus den Nachfolgestaaten der UdSSR sollten modifiziert werden.

Solange die Russlanddeutschen in der RF nicht die gleichen Gruppenrechte wie andere Völker bekommen werden, soll die pauschale Annahme des nachwirkenden Kriegsfolgenschicksals zeitlich unbefristet bestehen bleiben. Dasselbe gilt für die Betroffenen aus anderen Nachfolgestaaten der einstigen UdSSR. Bei der Feststellung der Aussiedler-Voraussetzungen sollte endlich von dem im Falle der Russlanddeutschen überholten abstammungs-sprachlich-kulturellen Definitionen des „Deutseins“ abgesehen und zu dem einzig angemessenen Kriterium des Kriegsfolgenschicksals übergegangen werden: dem Faktum der Verfolgung und Diskriminierung als Person deutscher Herkunft. Wenn der Antragsteller persönlich, seine Eltern

oder Großeltern direkte Opfer ethnischer Repressionen und Benachteiligungen waren, dann muss dem Betroffenen ein grundsätzlicher Anspruch auf Aufnahme in Deutschland zustehen.

Zum Nachweis der Verfolgung soll vor allem der Rehabilitierungsschein dienen, der nach der Prüfung entsprechender KGB- oder NKWD-Unterlagen von Gerichts- und anderen zuständigen Behörden ausgestellt wird. Diese Nachweise werden den repressierten Bürgern seit 1989 in der vormaligen UdSSR und später in den Nachfolgestaaten auf Antrag ausgestellt. Alle anderen Voraussetzungen zur Anerkennung als „(Spät)Aussiedler“ sollten dieser wichtigsten Feststellung untergeordnet werden.

RUSSLANDDEUTSCHE

70. TRAUERTAG DER DEPORTATION

Fortsetzung von Seite 9.

Einige Monate später stimmte der Oberste Sowjet in seiner Sitzung am 28. November den Schlussfolgerungen und Vorschlägen dieser Deputiertenkommission zu, die Wiederherstellung der deutschen Autonomie in den alten Grenzen einzuleiten. Eine gerechte Lösung des „deutschen Problems“ schien zum Greifen nah zu sein.

Allerdings regte sich schon im Frühling 1989, insbesondere nach der massenmedialen Berichterstattung über die Gründung der Gesellschaft „Wiedergeburt“, aktiver Widerstand vor allem im Gebiet Saratow gegen jegliche Autonomiepläne. Zudem stellten die Unions- und russländische Regierung weder im Jahr 1989 noch später finanzielle und materielle Mittel für soziale und wirtschaftliche Aufbauprogramme zur Verfügung. Das ließ unweigerlich den Verdacht aufkommen, dass die Unterbringung der zurückkehrenden Deutschen und ihre Versorgung mit Arbeitsplätzen und sozialen Leistungen vornehmlich auf Kosten der beiden Aufnahmegebiete erfolgen und somit zu einer weiteren Verschlechterung der ohnedies angespannten wirtschaftlichen und Versorgungslage führen werde.

Dieser Protest äußerte sich in zahlreichen Petitionen an zentrale Machtorgane und Resolutionen der Betriebsversammlungen, in Streikdrohungen und massenhaften Kundgebungen und nahm schnell organisierte Formen an. Die Autonomiegegner schreckten nicht vor offenen und latent

Zweisprachige Schilder im Landkreis „Halbstadt“, Region Altaj.

oder „Na saratowski karawaj rot ne razewaj – Reiß' deinen Mund nicht auf in Richtung des Saratower Brotlaibes [um ihn kostenlos zu verzehren]“ machten die Runde.

Der ihnen offen entgegengebrachte Hass seitens der russischen Bevölkerungsmehrheit sowie die Vehemenz der haltlosen Unterstellungen haben die gesetzestreu-

Recht auf ein angestammtes Siedlungsgebiet und auf lokale Selbstverwaltung sind sie bis heute höchst unerwünscht. Nicht von ungefähr verzeichnete man seit 1990 den sprunghaften Anstieg der gestellten Anträge zur Ausreise nach Deutschland.

Enttäuschungen unter Jelzin 1991-1999

Angesichts des fortschreitenden Zerfalls des sowjetischen Vielvölkerstaates und der zunehmenden Machtlosigkeit der politischen und legislativen Institutionen auf Unionsebene richteten sich die Hoffnungen der deutschen Aktivisten verstärkt auf die russländische Führung unter dem charismatischen Vorkämpfer für politische und marktwirtschaftliche Reformen, Boris Jelzin. Leider konnte auch die russländische

kreis fungieren nun in erster Linie als Auffangbecken für Flüchtlinge und Migranten aus dem benachbarten Kasachstan.

Heutige Lage der deutschen Minderheit in Russland

Bis heute vermeidet es die russländische Führung hartnäckig an dem nationalen Trauertag, der jährlich am 28. August an den Deportationserlass des Jahres 1941 erinnert, teilzunehmen oder auch nur ihr Mitgefühl zu äußern. In den acht Jahren seiner Regierungszeit ist der russische Präsident Putin kein einziges Mal auf das tragische Schicksal der deutschen Landsleute eingegangen. Auch Präsident Medwedew weigerte sich, eine gemeinsame deutsch-russische Erklärung angesichts des 70. Trauertags der Deportation abzugeben.

Die Volkszählung 2002 in Russland zeigte erneut, dass der akademische Bildungsstand der deutschen Minderheit mit 103 Hochschulabsolventen auf 1.000 Personen im Alter von 15 Jahren und älter noch wesentlich unter dem Landesdurchschnitt von 157 liegt, was eine unmittelbare Folge der direkten und indirekten Diskriminierungen darstellt. Auch das im September 2007 nach zähem Ringen beschlossene

föderale Zielprogramm für die „Entwicklung des sozioökonomischen und ethno-kulturellen Potentials der Russlanddeutschen“ für die Laufzeit von 2008 bis 2012 wird an diesem unbefriedigenden Zustand nichts ändern: das Gros der vorgesehenen bescheidenen Mittel sind für solche Projekte wie Wohnungs- und Krankenhausbau in den Landkreisen Asowo und Halbstadt in Sibirien oder für Kläranlagen und die Kanalisation in einigen anderen dörflichen Siedlungen geplant.

Die insgesamt positiven politischen Änderungen seit 1985, wie etwa die Achtung der Menschenrechte und die individuelle, formalrechtliche Gleichstellung als Staatsbürger können daher nicht darüber hinwegtäuschen, dass die ausgebliebene politisch-territoriale Rehabilitation, das Fehlen einer nationalen Autonomie auch für den Einzelnen schwerwiegende Nachteile barg und weiterhin birgt.

Weiter auf Seite 11.

Erfassungsliste der deportierten Wolgadeutschen, die bereits im September 1941 in den Rayon Nasarowski, Region Krasnojarsk eingetroffen sind.

deutschfeindlichen und auch vor beleidigten Slogans zurück. Aussagen und Spruchbände wie „Stalin hat recht gehabt mit der Aussiedlung der Deutschen“, „Nein zur deutschen Autonomie im Wolgagebiet“

Deutschen zutiefst verletzt: als zuverlässige Arbeitskräfte waren sie der Sowjetunion sehr willkommen, aber als gleichberechtigtes sowjetisches (russländisches) Volk mit eigenständiger Sprache und Kultur, mit

3. Russlanddeutsches Museum neben einem Dokumentations- und Forschungszentrum.

Im vereinigten Deutschland stellen die 2,7 Millionen Russlanddeutschen einen bedeutenden, demographischen, wirtschaftlichen und soziokulturellen Faktor dar. Für ihr Selbstverständnis spielt die Erinnerung an die Unterdrückung und Verfolgung eine prägende Rolle. Dabei waren die Deutschen aus Russland nicht nur Objekte staatlicher Politik, sondern traten auch als handelnde und bestimmende Personen auf, die Widerstand, Protest und Verweigerung leisteten. Ihre Jahrhundert lange Geschichte ist von Pioniergeist, harter Arbeit und Behauptungswillen gekennzeichnet.

Öft wird anerkennend unterstrichen, dass sie der Bevölkerungszahl nach das 17. Bundesland bilden. Im Gegensatz zu einem real existierenden Bundesland, das mit Hilfe Dutzender Museen und Forschungseinrichtungen die regionale Geschichte und Kultur in vielfältiger

Weise zu erfassen, aufzubewahren, zu erforschen und darzustellen pflegt, gibt es allerdings in der BRD für die russlanddeutschen Einwohner keine einzige wissenschaftliche Institution, weder ein eigenständiges Forschungsinstitut oder Staatsmuseum noch ein nationales Archiv oder ein Bibliotheks- und Dokumentationszentrum. Diese fehlende institutionelle Verankerung ist ein maßgeblicher Grund dafür, dass unter der einheimischen Bevölkerung kaum Kenntnisse über den besonderen historischen Werdegang und die einzigartige Kultur der russlanddeutschen Minderheit vorhanden sind. Es ist längst überfällig, ein klares Symbol der Erinnerung an das kollektive Schicksal der russlanddeutschen Bundesbürger zu setzen, sei es in Form eines ihnen gewidmeten Museums oder eines Forschungs- und Dokumentationszentrums.

Ein Flugblatt der Anti-Autonomisten aus dem Jahr 1990.

Seite vielfältige Unterstützung. Hunderte von Millionen DM wurden in den Jahren 1992-1999 für die Errichtung von *Schlachthöfen*, Käsereien und für Objekte der sozialen Infrastruktur ohne einen nennenswerten Effekt - im Sinne einer Ermunterung der deutschen Bevölkerung zum Verbleib in Russland - ausgegeben.

Ob die beiden administrativen Rayons mit der erdrückenden Dominanz des landwirtschaftlichen Sektors und den fehlenden politischen Interessenvertretungen, mit kaum wahrnehmbaren sozioökonomischen Gestaltungsmöglichkeiten und einer archaisch wirkenden Folklorisierung des kulturellen Lebens eine wirkliche Zukunftsperspektive für die bereits mehrheitlich in Städten lebenden Russlanddeutschen aufweisen konnten, darf getrost bezweifelt werden. Auch die ländliche Bevölkerung sah für sich keine tragfähige Perspektive: bis Ende 1998 wanderte allein aus dem Rayon „Halbstadt“ 80 Prozent der angestammten deutschen Bevölkerung aus. Diese sibirischen Land-

RUSSLANDDEUTSCHE

70. TRAUERTAG DER DEPORTATION

Fortsetzung von Seite 10.

Die 1993 angenommene, neue Verfassung der Russländischen Föderation führte noch einmal in aller Deutlichkeit vor Augen, dass die deutsche Minderheit gegenüber den Völkern mit eigenem, autonomem Territorium besonders in dem politischen und kulturellen Bereich gravierenden, strukturellen Benachteiligungen ausgesetzt ist. Die letzteren besitzen laut Verfassung das Recht, ihre Vertreter in den Föderationsrat, in die zweite, legislative Kammer des Parlaments, zu entsenden. Laut Artikel 104 steht den Mitgliedern des Föderationsrates neben den Gesetzgebungsorganen der einzelnen Republiken und Territorien das Recht einer Gesetzesinitiative zu. Hinzu kommt, dass der Artikel 68, Abs. 2 der Verfassung nur den Republiken das Recht zubilligt, neben dem Russischen auch die Sprache der namensgebenden Nation als Staatssprache auf ihrem Territorium zuzulassen. Demzufolge erfährt die Sprache und somit die Kultur der Statusvölker eine gezielte staatliche Förderung und Unterstützung.

Aus diesem Grund verfügen z.B. die Kalmücken (Volkszählung 2002: 173.996 Menschen), Jakuten (443.852) oder Burjaten (445.175) als Titularnationen mit eigenem Territorium über wesentlich mehr Möglichkeiten, ihren legitimen wirtschaftlichen, politischen oder sprachlich-kulturellen Forderungen Gehör zu verschaffen - sowohl durch ihre Vertreter und Abgeordnete in Moskau als auch auf lokaler Ebene - als die zwar zahlenmäßig größere, aber verstreut lebende „territoriumslose“ deutsche Minderheit (597.212 Personen). Diese Völker verfügen über ein muttersprachliches Bildungs-, Zeitungs-, Verlags-, Funk- und Fernsehwesen, über nationale Museen und Archive, Opernhäuser, Republikzeitungen und

Reste der verwahrlosten lutherischen Kirche der einstigen wolgadeutschen Siedlung Messer (russ. Ust-Solicha), Gebiet Saratow.

Mythen und Symbole der Sowjetmacht zunehmend diskreditiert wurden, gewinnt der Kult des „Großen Vaterländischen Krieges“ - so wird der deutsch-sowjetische Krieg 1941-45 noch heute im postsozialistischen Russland genannt - als Identifikationsfaktor immer mehr an Bedeutung. Den Kernpunkt der ideologischen Beschwörung bilden Patriotismus und Heldenkult; sorgfältig wird der Stolz auf den Sieg über Deutschland und die moralische Überlegenheit gegenüber den „Deutschen-Faschisten“ kultiviert. Gleichzeitig rückt die offizielle Propaganda Schattenseiten, die nicht ins glorreiche Szenario passen, an den Rand der gesellschaftlichen Wahrnehmung: Komplizenschaft mit Hitler-Deutschland 1939-1941, Kollaboration eines beträchtlichen Teils der sowjetischen Bevölkerung mit den Besatzern, Elend und Sterben im Gulag, Deportationen ganzer Völker, Hungertod und Repressionen im Hinterland und vieles andere mehr.

Die Russlanddeutschen als so genannte Stellvertreter jener Nation, die gegen die Sowjetunion den verlustreichen Krieg entfesselt hat, leiden weiterhin moralisch und psychisch besonders schwer unter den Folgen derartiger „Vergangenheitsbewältigung“. Umso mehr, weil die nach wie vor ausgebliebene Wiederherstellung der deutschen Wolgarepublik nicht selten als handfeste Bestätigung ihrer vermeintlichen Schuld gedeutet wird. Bis heute gibt es in der Russländischen Föderation kein zentrales Mahnmal für die deutschen Opfer der Deportationen und Arbeitslager, kein nationales Museum und Dokumentationszentrum, keine einzige Gedenkstätte auf dem Gelände eines ehemaligen Arbeitslagers. Im Schulunterricht wird ihre Verfolgung und Diskriminierung zur Sowjetzeit kaum thematisiert.

Russlanddeutsche in der Bundesrepublik

Bis 1986 bekamen 95.107 Deutsche aus der UdSSR die Erlaubnis, in die Bundesrepublik ausreisen; seit 1960 durften nach sowjetischen Angaben 16.411 Personen zumeist deutscher Herkunft in die DDR übersiedeln. Von lediglich 460 Personen (1985) schnellten die Aussiedlerzahlen aus der Sowjetunion auf 147.950 (1990), um im Jahr 1994 den Höchststand mit 213.214 Rückkehrern zu erreichen. Inzwischen kam es zur Wiedervereinigung und die UdSSR löste sich auf. Die rapide steigenden

Aussiedlerzahlen veranlasste die Bundesregierung, eine Reihe einschränkender Maßnahmen einzuführen. Zum 1. Juli 1990 traf das Aussiedleraufnahmegesetz in Kraft, demnach eine Antragstellung nur aus dem betreffenden Land möglich ist. Durch das Kriegsfolgenbereinigungsgesetz, das am 1. Januar 1993 die Rechtsgrundlage zur Aufnahme von Personen deutscher Herkunft aus den Ländern der GUS und anderen osteuropäischen Staaten vorlegte, wurde der Kreis potentiell Berechtigter stark eingeschränkt. Weitere gesetzliche Hürden und Einschränkungen traten im Laufe des Jahres 1996 hinzu. Zu der wichtigsten Voraussetzung für die Anerkennung als (Spät)Aussiedler avancierten „familiär vermittelte Kenntnisse der deutschen Sprache“; sie musste „natürlich wirken“, vom Elternhaus vermittelt werden und nicht ein „künstliches, erlerntes“ Hochdeutsch sein. Für Hunderttausende Russlanddeutsche stellte diese Regelung ein schwer zu überwindendes Hindernis dar, da gerade die Deportation, die absichtliche Zerstreuung aus den kompakten Siedlungen auf dem riesigen Territorium Sibiriens und Kasachstans, das Leben in gemischtnationaler und russischsprachiger Umgebung usw. unausweichlich zum Verlust der deutschen Muttersprache führte.

Das zum 1. Januar 2005 in Kraft tretende Zuwanderungsgesetz verschärfte zusehends die Aufnahmekriterien, vor allem die Beherrschung der deutschen Sprache wurde, die historischen Gründe des Sprachverlustes geradezu ignorierend, noch strenger und breiter überprüft. Eine schwerwiegende Neuerung bestand darin, dass auch nichtdeutsche Familienmitglieder des Antragsstellers einem Sprachtest zu unterziehen waren. Von da an setzte ein beschleunigtes Sinken der Aussiedlerzahlen ein: waren es 2004 noch 58.728 Betroffene, so begrenzte sich die Zahl zwei Jahre später nur noch auf 7.626 und 2010 lediglich auf 2.297 Personen. Gegenwärtig wird die Zahl der Deutschen in den Ländern der GUS auf ca. 0,7 Mill. Menschen geschätzt.

Neben diesen gesetzlichen Restriktionen, die den Zuzug von Russlanddeutschen beinahe zum Erliegen brachten, war ihre gesellschaftliche Akzeptanz in Deutschland nicht immer unumstritten. In zahlreichen Presse- und Fernsehberichten wurden die übersiedelten Russlanddeutschen vornehmlich als Problemfaktor dargestellt: eine angeblich hohe Kriminalität, Gewaltbereitschaft, Arbeitslosigkeit, Gettoisierung, schlechte Deutschkenntnisse und mangelnde Integration sind dabei Begriffe, die am häufigsten fallen. Erst die im Januar 2009 erschienene Studie des Berlin-Instituts für Bevölkerung und Entwicklung „Ungenutzte Potentiale. Zur Lage der Integration in Deutschland“ führte zu einer merklichen Versäglichung der medialen Darstellung. Hier wurden zum ersten Mal verschiedene

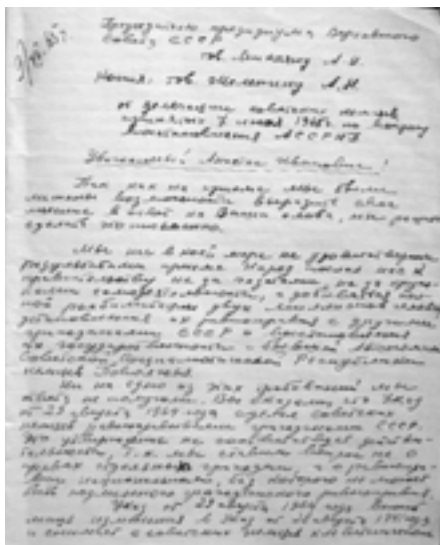
Zuwanderergruppen auf ihre Anpassungsleistungen verglichen; dabei schnitten die Russlanddeutschen besonders positiv ab. Vor allem die zweite, hier im Lande geborene Generation, unterscheidet sich kaum von den einheimischen Altersgenossen.

Schlussfolgerungen

Kollektivrechte einer Minderheit sind von den individuellen Bürgerrechten ihrer Mitglieder nicht zu trennen. Wenn eine nationale, religiöse oder soziale Gemeinschaft in ihrer existenziellen Rechten - in unserem Fall geht es um die Wiederherstellung der territorialen Autonomie - gegenüber anderen Gruppen benachteiligt wird, dann hat es unmittelbare Auswirkungen auf die in der Verfassung deklarierten Grundrechte, auf persönliche Entfaltungsmöglichkeiten. Das Beispiel der deutschen Minderheit in der einstigen Sowjetunion und im heutigen Russland spiegelt diese enge Verzahnung eindrucksvoll wieder. Solange in der Russländischen Föderation die rechtswidrig aufgelöste Wolgarepublik nicht wiederhergestellt und die russlanddeutsche Volksgruppe nicht die gleichen Rechte wie die übrigen Nationalitäten bekommt, sollten die Vertreter dieser leidgeprüften Minderheit einen grundsätzlichen Anspruch auf die Übersiedlung in die Bundesrepublik Deutschland haben. Die historischen Erfahrungen der Millionen Bundesbürger russlanddeutscher Herkunft bilden nicht nur die Grundlage ihrer eigenen positiven Identität, sondern sind inzwischen zu einem integralen Bestandteil der deutschen Geschichte geworden. Es ist höchste Zeit, dass ihre Vergangenheit als Teil der nationalen bzw. der europäischen Erinnerungskultur angemessen wahrgenommen wird.

VOKABELN

- Verbrechen, *n* - преступление
- Zwangsumsiedlung, *f* - принудительное переселение
- rücksichtslos - беспощадный
- unsachgemäß - ненадлежащий, ненадлежащим образом
- einen Antrag stellen - вносить предложение
- sich mit etw. abfinden - договориться, прийти к соглашению
- halbherzig - вполсилы
- Unterstellung, *f* - подчинение, предписание
- Schlachthof, *m* - скотобойня
- leidgeprüft - испытывавший много горя, многострадальный

Protestbrief an den sowjetischen Staatspräsidenten Anastas Mikojan.

Literaturzeitschriften, Forschungsinstitute der nationalen Geschichte und Kultur, über Denkmalpflege, professionelle Theater und Tanzgruppen, nationale Universitäten und Hochschulen. Diese Institutionen werden dauerhaft finanziert und weiter ausgebaut, ohne auf ausländische Hilfe oder zeitweilige Sonderprogramme angewiesen zu sein. Und gerade solche bildungsrelevanten, kulturellen und identitätsstiftenden Einrichtungen werden der deutschen Minderheit bewusst vorenthalten, worauf ihre geringen Kenntnisse der deutschen Sprache, ihr unterdurchschnittlicher Bildungsstand und Urbanisierungsgrad sowie ihre eingeschränkte, soziale Mobilität zurückzuführen sind. So wird das Ausmaß der ethnischen Ungleichheit auch im heutigen Russland ersichtlich.

Die staatlicherseits verweigerte Rehabilitierung wirkt sich auch in anderer Hinsicht verheerend auf die Betroffenen aus: Obwohl nach dem Zerfall der UdSSR die meisten

ФОТОРЕПОРТАЖ

ОЧЕВИДЦЫ ДЕПОРТАЦИИ

Продолжение в следующих номерах.

DEUTSCHE ALLGEMEINE ZEITUNG - IMPRESSUM:

Доверительный управляющий - Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение»

Главный редактор: Олеся Клименко
 ifa-редактор: Кристина Карманн
 Специалист в экономике СМИ:
 Антони Ритцшель
 Менеджер по распространению:
 Юлия Сивакова
 Компьютерная вёрстка:
 Вероника Лихобабина
 Корректоры: Лариса Гордеева,
 Евгений Гильдебранд
 Адрес редакции: 050051, Алматы,
 Самал-3, 9, Немецкий Дом
 Тел./факс: +7 (727) 263 58 06
 E-mail: daz.almaty@gmail.com

Газета поставлена на учет в Министерстве информации РК.
 Свидетельство о постановке на учет № 1324-Г от 14.06.2000 г.
 Тираж 1200 экз.
 Заказ № 1334. 26 августа 2011 г. № 34 (8498).
 Периодичность - 1 раз в неделю.

Отпечатано АО "Алматы-Болашак", г. Алматы, ул. Муканова, 223-б; т. 378-42-00 (бухг.), 378-35-25 (комп.).

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право редактирования и публикации присланных материалов.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 65414

Bevollmächtigter Herausgeber - Association der gesellschaftlichen Vereinigungen der Deutschen Kasachstans „Wiedergeburt“

Chefredakteurin: Olesja Klimenko
 ifa-Redakteurin: Christine Karmann
 ifa-Medienwirtin: Antonie Rietzschel
 Vertriebsmanagerin:
 Julia Siwakowa
 Layout und Design:
 Veronika Lichobabina
 Korrektoren: Larissa Gorbunova,
 Eugen Hildebrand
 Adresse: Samal-3, 9, Deutsches Haus,
 050051, Almaty
 Tel.: +7 (727) 263 58 08
 E-Mail: info@deutsche-allgemeine-zeitung.de

Registration: Ministerium für Information der Republik Kasachstan.
 Registrations-Nr. 1324-G vom 14.06.2000.
 Auflage: 1200. Auftrags-Nr. 1334.
 26. August 2011. Nr. 34/8498.

Druckerei: „Almaty-Bolaschak“, Almaty, Mukanow-Straße 223b; 378-42-00 (Buchhaltung), 378-35-25 (IT)

Die Meinung der Redaktion stimmt nicht in jedem Fall mit der Meinung der Autoren überein.

Für den Inhalt von Anzeigen übernimmt die Redaktion keine Haftung. Unter Verwendung in- und ausländischer Agenturen.